А. С. Фаминицын

Скоморохи на Руси

УДК 94(47)+398
ББК 63.3(2)-7+82.3(Рос)
Ф20

Фаминицын А. С.
Ф20 Скоморохи на Руси / А. С. Фаминицын; вступит. статья, коммен. и прилож. Н. В. Петров. — М. : ФОРУМ, 2015. — 400 с. : ил.

ISBN 978-5-91134-413-9

Александр Сергеевич Фаминицын — музыкальный критик и фольклорист второй половины XIX века, чьи работы по истории скоморошества долгое время оставались недооцененными. В книге «Скоморохи на Руси» автор рассматривает отношение к скоморохам в обществе, анализирует большое количество источников, что делает эту работу оригинальной и интересной. Книга дополнена комментариями и приложением, в котором собраны тексты скоморошин, былин и песен, связанных с образом скомороха.

Книга будет интересна историкам, фольклористам, музыковедам, этнографам и всем, кто интересуется историей культуры. Может быть использована студентами гуманитарных учебных заведений.

УДК 94(47)+398
ББК 63.3(2)-7+82.3(Рос)

ISBN 978-5-91134-413-9

© Петров Н. В., вступит. статья и коммен., прилож., 2009
© Издательство «ФОРУМ», 2009

СКОМОРОХИ НА РУСИ

Веселые скоморохи
Садилися на лавочки,
Заиграли во гусельцы,
Запѣли они пѣсеньку...

К. Данилов. Древ. росс. стих.*:
«Гость Терентьище»

Вступление

Представителями светской музыки в России с древнейших времен, в течение многих столетий, служили искусники или потешники, издавна носившие название *скоморохов*. Весь продолжительный период истории светской музыки в России с XI века (раньше этого времени мы не имеем письменных свидетельств о музыкантах и певцах русских) до середины XVII столетия может, по справедливости, быть назван *эпохою скоморохов*.

Скоморошество — явление, общее всем европейским народам в средние века; скоморохи — преемники греко-римских скиников или мимов*, народных потешников, подвизавшихся частью на сцене или просцениуме театра*, частью на пирах и попойках, на улицах, площадях и в питейных домах. Откуда бы ни пришло в Россию искусство скоморохов, с юга ли (из Византии) или с запада*, — но уже в XI веке оно оказывается привитым и укоренившимся в обиходе народной жизни русской; с этой поры оно может быть рассматриваемо как явление, на русской почве вполне акклиматизовавшееся и принявшее здесь самостоятельное развитие, сообразное с местными условиями и характером русского народа. Скоморохи — древнейшие представители народного эпоса, народной сцены, народного музыкального искусства. — Располагая в хронологическом порядке дошедшие до нас сведения о скоморохах, мы можем проследить и постепенное обогащение состава находившихся в распоряжении их музыкальных орудий. К первоначальному, древнейшему инструменту скоморохов — гуслям, о которых почти исключительно упоминается в русских былинах Владимирова цикла* и преимущественно — в старинных народных песнях, сперва присоединяются трубы, бубны, сопели, позже — сурны, домры, волынки или дуды, гудки (смыки), лиры, органы, свирели и т. п. инструменты*. Предоставляя себе в особой статье рассмотреть

эти музыкальные орудия*, обращаюсь теперь к носителям и представителям их — «гудцам» или «игрецам» — скоморохам; постараюсь исследовать, в чем именно заключалось искусство скоморохов, рассмотреть характер их, разносторонность потешной их деятельности, отношение к ним народа, наконец — гибель и замещение их иными представителями музыкального искусства.

Глава первая
Скоморохи — «веселые люди»

Музыкальные искусники — скоморохи, соответственно потешной их деятельности, на народном языке, как в песнях, так и в исторических памятниках, нередко именуются *«веселыми людьми»*, *«веселыми молодцами»*. В былине о госте Терентьище описываются*

Веселые скоморохи,
Скоморохи люди вѣжливые,
Скоморохи очестливые*.

Терентьева жена, завидев их из окошечка, заводит с ними речь:

«А и вы гой еси, *веселые молодцы*!»

и вслед за тем приглашает войти к себе в дом:

«*Веселые скоморохи!*
Вы подите во свѣтлую гридню*»...[1]

В былине о Ставре Годиновиче* Ставрова жена спрашивает князя Владимира:

Чѣмъ ты, Владимиръ князь, въ Кіевѣ потѣшаешься?
Есть ли у тебя *веселые молодцы*?[2]

В другой песне изображается толпа «веселых», т. е. скоморохов, с музыкальными инструментами своими расхаживающих по улицам:

Веселые по улицамъ похаживаютъ,
Гудки и волынки понашиваютъ...

и далее:

---

[1] *Кирша Данилов.* Древние российские стихотворения*. 1878. Стр. 10, 12, 13.

[2] Там же: стр. 91.

Веселые-то ребята злы, догадливы...[1]

Еще в одной песне:

Какъ шли прошли *веселые*
Два *молодца* удалые,
Они срѣзали по пруточку,
Они сдѣлали по гудочку...[2]

В варианте этой песни вместо «веселые» поется «скоморохи»:

Ужъ какъ шли прошли *скоморохи*,
Срѣзали по пруточку и т. д.[3]

В других песнях встречаем соединение обоих названий: «скоморохи» и «веселые», напр.:

Прошли *скоморохи*, прошли молодые,
Молодые *веселые*...[4]

В одном из пересказов былины о Добрыне Никитиче читаем*:

Обрядился Добрыня *скоморошкою веселою*...

и далее:

Заигралъ тутъ *скоморошка да веселая*
А во тѣ ли звонцаты гусли[5].

По словам народной песни:

Сватался на Дунюшкѣ *веселый скоморохъ*[6].

В заключительной припевке к былине о Михаиле Скопине* встречается стих:

Еще намъ *веселымъ молодцамъ* (т. е. скоморохам) на потѣшенье[7].

Во второй Новгородской летописи* под 1571 годом читаем, между прочим: «Втѣ поры въ Новгородѣ, и по всѣмъ городамъ и по волостемъ, на Государя брали *веселыхъ людей*...», а вслед за тем говорится, что «поѣхалъ изъ Новгорода на подводахъ,

---

[1] *Сахаров.* Сказания русского народа. 1841—1849. I. iii, стр. 221.

[2] Там же: I. iii, 87.

[3] *Шейн.* Русские народные песни. 1870. I, стр. 218.

[4] *Беляев.* О скоморохах. Временник Импер. Москов. Общества истории и древностей. 1854. Стр. 73. — Ср. выше, стр. 29: *«веселые скоморохи»*.

[5] *Гильфердинг.* Онежские былины. 1873. Стр. 1324.

[6] *Якушкин.* Народные русские песни. 1865. Стр. 191.

[7] *К. Данилов.* Древ. росс. стих. Стр. 193.

къ Москвѣ, Субота (дьяк) и съ *скоморохами*», т. е. с набранными для государевой потехи «веселыми людьми»[1]. В любопытной челобитной, поданной царю Михаилу Федоровичу крестьянами села Ширинги Ярославской губ., в 1625 году, на помещика, князя Артемия Шейдякова, обвиняемого ими в разных неблаговидных поступках, между прочим говорится, что он «*веселыхъ* (т. е. скоморохов) держалъ у себя *для потѣхи* безпрестанно»[2]. Наконец, в одной старинной рукописи читаем о пошлине (головщине), взятой в 1656 году* с *«веселых гулящих людей»*, т. е. со скоморохов[3].

[1] Полное собрание русских летописей. III, стр. 167.

[2] См. у *Соловьева*. История России с древнейших времен. IX (1866 г.), стр. 429—430.

[3] Известия Императорского археологического общества. VI, стр. 67.

Глава вторая
Искусство скоморохов

а. Играют и поют в домах, в особенности на пирах

В чем же заключалась доставлявшаяся скоморохами народу утеха? Ответ на этот вопрос дают многочисленные исторические памятники, народные песни и поговорки, а также наши былины, в которых скоморохи являются в большинстве случаев еще в древнейшем своем образе, в виде *гусельников*. Последние играют на своих «звончатых» или «яровчатых» (= яворовых) гуслях* и поют песни, а иногда и пляшут для развлечения слушателей; поодиночке или толпами, облекаясь в особое «скоморошье платье»[1], они посещают пиры, княжеские или частные, и народные праздники, присутствуют на свадьбах, всюду внося удовольствие и веселье.

Терентьева жена в упомянутой выше (стр. 29) былине, приглашая скоморохов к себе в гридню, обращается к ним с просьбой, «сѣсть на лавочки, поиграть во гусельцы и пропѣть пѣсеньку», и «веселые скоморохи»

---

[1] Летописец Переяславль-Суздальский (XIII в.) сравнивает одеяние латин с *платьем скоморошеским*: «Начаша пристроати собѣ кошюли, а не срачици, и межиножіе показывати и кротополіе носити, и аки гворъ (= мешок) въ ноговици створше образъ килы имуще и не стыдящеся отынуд, *аки скомраси*». Из этого заключают, что скоморохи, по крайней мере в некоторых случаях, носили особое, короткое платье и узкие штаны с нашивкою на межиножье. Сходный в общих чертах костюм представляют скоморохи игрецы и плясуны на древней фреске Киевско-Софийского собора (см. ниже, стр. 36). (Ср. *Беляев*. О скоморохах. 80). О *скоморошеском платье* упоминается в былине о Добрыне Никитиче, в повести «О пляшущем бесе» (XVI в.)*, в грамоте царя Алексея Михайловича (1648 г.)* и др. (см. ниже, стр. 34); изображения скоморохов и плясунов в *шутовских* костюмах встречаются на русских народных картинках (см. у *Ровинского*. Русские народные картинки. 1881. №№ 102, 103 и др.).

Садилися на лавочки,
Заиграли во гусельцы,
Запѣли они пѣсенку...

Таким же гусельником, призываемым в дома для утехи слушателей, был первоначально и герой былин, Садко*, сделавшийся потом богатым гостем (купцом); сперва Садко не имел другого имущества, кроме гуслей, с которыми и ходил по пирам; когда же его не звали на пир, он скучал без дела:

А прежде у *Садкé* имущества не было:
Одни были *гусли яровчаты.*
По пирамъ ходилъ — игралъ Садкé.
Садкé день не зовутъ на почестенъ пиръ,
Другой не зовутъ на почестенъ пиръ,
И третій не зовутъ на почестенъ пиръ,
Потом Садкé соскучился.

Садкé отправляется к Ильменю-озеру, играет на его берегу и приводит в восторг морского царя, который обещает ему счастье и богатство. Как вернулся Садкé от Ильменя-озера,

Позвали Садкé на почестенъ *пиръ*[1].

Имеются разные свидетельства о зазывании *скоморохов в дома*. Так, в поучении Григория Черноризца (XIII в.)* предписывается не вводить в дом скоморохов: *«скомороха... и гудьця и свирця нъ уведи у домъ свой глума ради»*[2]. В «Слове о русалиях», приписываемом Нифонту*, говорится о муже, который, завидев из палаты своей толпу пляшущих вокруг пляшущего же *сопельника* (скомороха), останавливает их и *велит играть, плясать и петь перед собой*[3]. «Кто ихъ (*скоморохов*) *пуститъ на дворъ* добровольно, и они тутъ играютъ», — говорится в уставной грамоте бобровых деревень крестьянам (1509 г.)*[4]. «*Въ домъ* свой, къ женѣ и къ дѣтемъ *приводили скомрахи, плясци,*

[1] *Рыбников.* Песни. 1861. I, стр. 370, 371. — Ср. *Гильфердинг.* Онеж. был. 384.

[2] *Срезневский.* Сведения и заметки о малоизвестных и неизвестных памятниках. 1867. Гл. VII, стр. 56.

[3] Памятники старинной русской литературы, изд. под редакц. *Костомарова.* 1860—1862. I, стр. 207.

[4] Акты исторические, собранные и изданные археографическою комиссиею. 1841—1842. I, № 150.

сквернословци», — читаем в одном из Слов митрополита Даниила (XVI в.)*[1]. В царской грамоте 1648 г. приказывается, чтобы *скоморохов* с домрами и с гусльми и с волынками и со всякими играми «*въ домъ* къ себѣ *не призывали*»[2]. «Буде учнутъ... мірскіе люди тѣхъ *скомороховъ* (с гуслями, домрами, сурнами и волынками) и медвѣжьихъ поводчиковъ съ медвѣдьми *въ домы своя пускати*», — читаем в Памяти митрополита Ионы (1657 г.)*[3].

В одной из былин о Добрыне последний является на пир, наряженный скоморохом:

Накрутился молодецъ *скоморошиной*,
Пошелъ какъ на хорошь почестенъ *пиръ*.

Его приветствуют Владимир князь и Опраксия королевична и упрекают, что он раньше не заходил, а напрасно проживался*:

Ай же ты, *дѣтина пріѣзжая*,
Скоморошная, гусельная!
Для чего же ты долго проживаешься,
Проѣдаешься, пропиваешься,
Нейдешь къ намъ на почестенъ *пиръ*[4].

В той же былине, в разных ее пересказах, упоминается и о целой *толпе* «гусельников», «игроков», «гудочников» или «скоморохов», присутствующих на пиру. Добрыня просит князя дать ему — гусельнику — местечко; на это князь отвечает, что все места заняты гусельщиками:

Еще всѣ мѣста да попризаняты
У моло́дыихъ да у *гусельщиковъ*[5].

Как заиграл Добрыня «въ гуселышки яровчаты» и запел песню,

На пиру игроки всѣ пріумолкнули,
Всѣ скоморохи пріослушались[1].

---

[1] *Беляев.* О скоморохах. 78.

[2] *Иванов.* Описание государственного архива старых дел. 1850. Стр. 298.

[3] Акты, собранные и изданные археографическою экспедициею. 1836. IV, № 98.

[4] *Рыбников.* Песни. I, 135, 143.

[5] *Гильфердинг.* Онеж. был. 1029.

Или:

Еще *вси то скоморохи* пріумолкнули,
Еще *вси то игроки то* призаслухались[2].

В другом пересказе Добрыня застает *на пиру толпу «гудосьников»*:

Вси въ гудки играютъ, вси увеселяютъ[3].

В былине о Ставре Годиновиче, во время *пира*, который князь Владимир устроил в честь мнимого посла*,

Собрали *веселыхъ молодцовъ* на княженецкой дворъ[4]

или, по другому пересказу: «выпускаютъ *загусельщиковъ*», которые «всѣ играютъ»[5].

Древнейшее историческое свидетельство о присутствии и игре гусельников на княжеских пирах представляют Несторовы слова о Святополке (под 1015 г.)*: «Лютѣ бо граду тому и земли той, въ немъ же князь юнъ, любяй *вино пити съ гуслми*», — восклицает летописец[6]. В житии преп. Феодосия, игумена Печерского*, читаем, что однажды Феодосий пришел к великому князю Святославу Ярославовичу (в XI веке)* и увидел в палате, где находился князь, «многихъ *играющихъ* передъ нимъ: овыхъ *гуслныя гласы* испускающихъ, иныхъ *органьныя писки* гласящихъ, иныхъ же *мусикійскія* (по другим спискам: „замърныя“), и тако всѣхъ веселящихся, яко же обычай есть предъ княземъ». Блаженный поник головой и потом сказал князю: «Такъ ли будетъ на томъ свѣтѣ?» Князь, умилившись словами Феодосия и немного прослезившись, приказал играющим прекратить игру. С того времени, когда играли перед князем, и князь слышал о приходе Феодосия, он приказывал прекращать игру[7]. Из этого рассказа убеждаемся, что при Святославе игра,

---

[1] *Рыбников.* Песни. I, 166.

[2] *Гильфердинг.* Онеж. был. 498. — «Игроки» и «скоморохи» — понятия тождественные: Добрыня сам называется князем то «скоморошиной», то «игроком».

[3] *Киреевский.* Песни. 1860—1870. Вып. II, стр. 13.

[4] *К. Данилов.* Древ. росс. стих. 91.

[5] *Рыбников.* Песни. II, 110.

[6] Полн. собр. русс. лет. IX, 74.

[7] Печерский патерик*. 1806. Стр. 55.

т. е. *музыка и пение*[1], была в *обычае* при княжеском дворе и, разумеется, сопровождала княжеские пиры. — Такой же обычай существовал в старину и при сербском царском дворе: «Егда же бо и *на трапезъ* прѣдьсѣдѣще, *тумьпани и гусльми* я к о о б ы ч а й самодержцемь благородныхъ веселяще*», — читаем в житии св. Саввы*: речь идет о дворе первого царя сербского, Стефана (1195—1228)*[2]. Подходящей иллюстрацией к рассказу Нестора может служить старинная фреска Софийского собора в Киеве, относимая к 1073 г.: здесь изображены игроки на флейте, на длинных трубах, на арфообразном и гитаровидном инструментах, наконец, на тарелках. Флейтщик и тарелочник изображены, кроме того, пляшущими[3]. Придворная обстановка требовала, конечно, возможного блеска, и упомянутые игроки Святославовы, равно как и музыканты-плясуны и потешники, изображенные на фреске Софийского собора, и сербские придворные игрецы на тимпанах и гуслях, вероятно, заимствованы были от византийского двора[4].

---

[1] Под словом *игра* следует понимать не одну игру на инструменте, но и тесно связывавшееся с нею в старину пение, — так в былинах обыкновенно понимается игра скоморохов; известно также народное выражение *«песни играть»*. Ср. *Терещенко*. Быт русского народа. 1848 г. II, 146. — *Афанасьев*. Поэтические воззрения славян на природу. 1865—1869. I, стр. 337.

[2] См. у *Kuhač*. Opis i poviest narodnih glasbala jugoslovjena (оттиск из кн. XXXVIII журнала: Rad jugoslav. akad.). Str. 50.

[3] *Закревский*. Описание Киева. 1868. Табл. XII.

[4] Считаю нелишним, вследствие того, привести описание торжественной царской трапезы в Византии, устроенной в честь русской княгини Ольги*. Во время обеда, кроме двух хоров соборных певчих, *воспевавших гимны* в честь императорской фамилии, разыгрывались разные представления, состоявшие *из плясок и других игр*. Это происходило таким образом: как только царь и все прочие садились за стол, в палату вступали дружины *актеров и танцовщиков* со своими распорядителями. Действие открывалось хвалебным в честь императора гимном. После этой песни префект, дворецкий, подавал знак правою рукою, то распуская пальцы наподобие лучей, то сжимая их. Начиналась *пляска* и трижды обходила вокруг стола. Потом плясуны удалялись к нижнему отделению стола, где и становились в своем порядке. Тогда певцы с хором пели духовную песню с провозглашением многолетия особам царского дома. С такими песнями и представлениями продолжалась церемония столового кушанья до конца. Каждая перемена кушанья сопровождалась новою пляскою или новою песнью (*Забелин*. История русской жизни с древнейших вре-

Картину пиров князей Киевских, — пиров, на которых собиралась и потешалась княжеская дружина, рисуют наши былины, относя эти пиры постоянно к великому князю Владимиру:

Во стольномъ городѣ во Кіевѣ
У ласкова Осударь Князя Владиміра,
Было *пированье*, *почестной пиръ*,
Было *столованье*, *почестной столъ*
На многи князи и бояра
И на Рускіе могучіе богатыри
И гости богатые.
Будетъ день въ половина дня,
Будетъ пиръ во полу пирѣ; —
Князи и бояре *пьютъ*, *ѣдятъ*, *потѣшаются*,
И Великимъ Княземъ похваляются[1].

На таких пирах Владимир, по словам былин, обращается к дружине, поручая дружинникам найти ему невесту, или сам заботится о сватовстве своих дружинников; здесь вызывает князь охотников «вырубить Чудь белоглазую» и другие враждебные народы*; держит советы с дружинниками («Гой еси, Илья Муромецъ, — говорит Владимир, — пособи мне думушку подумати, здать ли мнѣ, не здать ли Кіевъ градъ...», или: «Какъ во славномъ было городе Кіевѣ, у ласкова князя Владиміра, собирались князья и бояре, сильные могучіе богатыри, собирались думушку думати»); поручает дружинникам «настрѣлять гусей, бѣлыхъ лебедей, малыхъ уточекъ» к своему «столу княженецкому»; с дружиной князь забавляется охотой, борьбой, стрельбой в цель, ристанием*[2]; здесь же, на княжеских пирах, раздается *игра скоморохов-гусельников*. Рассказы былин о дворе и

мен. 1879. II, стр. 197—198). — *Пляска*, разумеется, происходила под звуки *инструментальной музыки*. Что же касается музыкантов византийских, то имеем известие, что в числе их, во времена императора Константина Порфирородного (в X в.)*, были славяне: «Въ день народныхъ игръ, — писал Константин, — долженъ былъ чиностроитель каждаго наряжать къ своему дѣлу и приказать *славянамъ*, которые *употреблялись при инструментальной музыкѣ*, чтобы, оставивъ входы, пошли на ѳеатръ. (*Штриттер*. Известия византийских историков. 1770. I, стр. 120).

[1] *К. Данилов*. Древ. росс. стих. 85; ср. 36 и др.

[2] Там же: 36 и сл., 58 и сл., 88 и сл., 93 и сл., 133, 141, 147—148, 155, 168.

пирах Владимировых в общих чертах совпадают с историческими свидетельствами. В Несторовой летописи читаем: «Се же пакы творяше (Владимир) людямъ своимъ *по вся недѣля* (т. е. каждую неделю): устави на дворѣ въ гридьницѣ *пиръ творити* и приходити *бояромъ*, и *гридемъ*, и *съцкимъ*, и *десяцьскымъ*, и *нарочитымъ мужемъ*, при князи и безъ князя*: бываше множьство отъ мясъ, отъ скота и отъ звѣрины, бяше по изобилью отъ всего (ср. выше [стр. 37]: «пированье и столованье на многи князи и бояре, могучіе богатыри и гости богатые»)... Бѣ бо Владиміръ *любя дружину и съ ними думая* о строѣ земельномъ, и *о ратехъ*, и уставѣ земленѣмь»[1]. (Ср. выше [стр. 37] в былинах слова Владимировы к Илье Муромцу: «пособи мнѣ *думушку думати*» или «собирались *думушку думати*»; ср. также вызовы Владимировы к дружинникам *ополчаться против врагов*.) Дружину любили и роскошно угощали и тешили также и другие князья. Так, напр., Мстислав*, по словам летописца (под 1036 г.), «*любяше дружину повелику*, имѣнья не щадяше ни питья, ни яденья браняше»[2]. В летописях же находим известия о том, что князья русские, в особенности южные, любили сами *ходить на охоту* со своими стольниками, ловчими, псарями или *посылали* без себя своих *ловчих добывать зверя и птицу*[3]. (Ср. в былинах поручение князя дружинникам *«настрѣлять гусей»* и других птиц к «столу княженецкому».) Княжеские пиры сопровождались *конским ристанием* и другими *забавами*; «Изяславъ, — по словам летописца (под 1150 г.), — обѣдавъ съ ними (с братиею, с уграми и киянами)* на велицѣмъ дворѣ на Ярославли, и пребыша *у велицѣ весельи*; тогда же Угре *на фарехъ и скокахъ играхуть*» (т. е. упражнялись в скачке на конях), на удивление киянам[4]. (Ср. слова былин о пирующих за княжеским столом богатырях и дружинниках: *«пьютъ, ѣдятъ, потѣшаются»*.) К числу княжеских забав во время пиров принадлежала и *игра гусельников*

[1] Полн. собр. русс. лет. I, 54.

[2] Там же: I, 65. Ср. у *Майкова*. О былинах Владимирова цикла. Стр. 23 и сл. (прим.), — сближение летописных указаний с упоминаниями в былинах о Владимире, Добрыне, Алеше Поповиче, Ставре.

[3] См. у *Соловьева*. Истор. Росс. IV, 188.

[4] Полн. собр. русс. лет. II, 56.

(по выражению былин: «загусельщиков», «игроков», «скоморохов»), подтвержденная неопровержимо словами летописца, что был *обычай перед княземъ играть на гуслях и другихъ музыкальныхъ орудиях*, в свою очередь иллюстрированными упомянутою выше древней фреской Киевско-Софийского собора. Сюда же следует отнести известие, сообщаемое летописцем (под 1135 г.), о том, что князь Всеволод Мстиславич Новгородский* «възлюби *играти и утѣшатися*»[1]. Все вышеприведенные черты, которыми обрисованы в былинах пиры Владимировы (т. е. вообще пиры киевских князей) и отношения князя к богатырям-дружинникам, в основе своей подтверждаются, как мы видели, историческими свидетельствами, а следовательно, заключают в себе верные, согласные с истиной предания из далекой старины; к числу последних принадлежат и заключающиеся в былинах сведения об украшавших и оживлявших княжеские пиры своей игрой скоморохах-гусельниках.

Прежде чем приступить к дальнейшему изложению старинных свидетельств о скоморохах и доставлявшихся ими утехах, необходимо заметить, что большинство свидетельств не только средневековых, но и позднейших, проникнуты духом нетерпимости к музыкальным и иным «скаредным», «бесовским», «богомерзким», по выражению современных писателей, увеселениям, душою которых были скоморохи. Старинные русские писатели в своих поучениях повторяли из века в век, иногда даже с буквальною точностью, заимствованные ими из Византии, раздававшиеся там с первых веков христианства порицания и запрещения музыки, пения, плясок, переряживания в комические, сатирские или трагические лица, конных ристаний и иных народных увеселений, в Византии тесно связывавшихся с языческими преданиями, с языческими культами. Византийские взгляды переносились нашими духовными писателями на русские обстоятельства, лишь некоторые выражения византийских подлинников иногда переиначивались, пропускались или пополнялись, соответственно условиям русской жизни, из чего видно, что духовные наставники русские, несмотря на заимствования из византийской литературы, имели в виду действительные

[1] Полн. собр. русс. лет. IX, 159.

обстоятельства, и что поучения их имели действительное отношение к русской народной жизни.

«XI век (на Руси), — замечает г. Забелин*, — жил еще полною силою народного творчества и мало сознавал, что вещая песня баяна* (т. е. певца-гусельника) есть бесовское угодие, есть идольская служба. На это указывает даже и самое посещение князя Святослава преподобным иноком (Феодосием) во время веселого песнотворства, которое было остановлено... лишь из особой любви к нему и продолжалось по обычаю в его отсутствии. Живший в том же веке, после Феодосия, митрополит Иоанн, муж хитрый книгам и ученью*, точно также в своих наставлениях не мнит нарушать обычая мирского устава и запрещает только мнихам и иерейскому чину* присутствовать лишь на таких *пирах*, где начиналось *играние*, *плясание*, *гуденне*... Но то, что в начале предписывалось только иноческому и иерейскому чину, в последствии стало обязательным и для всего мирского чина»[1]. «Іерѣйскому чину повелѣваютъ святіи отци благообразно и съ благословеніемъ пріимати предьлежащая», — говорит митрополит Иоанн; «*играніе и плясаніе и гуденіе* входящемь въстати всемъ, да не осквьрнять имъ чювьсва видѣніемь и слышаніемь, по очкому повелѣнію или отинудь *отмѣтатися тѣхъ пировъ*, или въ то время отходити, аще деть *соблазнъ* великъ и вражда несмѣрена...». Далее говорится, что не возбраняется духовным лицам *обедать* с мирянами, *«кромѣ нацинанія играніа и бѣсовьскаго пѣнья и блуднаго глумленія»*[2]. Свидетельство это доказывает, что на пирах в то время

---

[1] <*Забелин.*> Домашний быт русских цариц в XVI и XVII стол. 1872. Стр. 409—410.

[2] Русские достопамятности. Изд. Имп. общества истории и древн. 1815—1844. I, стр. 95, 98. — «Аще кто клирикъ на *браки* званъ будетъ, егда *прелестныя* (= бесовские игры) и введутся, да востанетъ и абіе *да отходитъ*... Яко не подобаетъ священникомъ и клирикомъ нѣкихъ *видѣній позоровати* на брацѣхъ и на *вечеряхъ*; но прежде входа *игрецовъ встати* имъ *и отходити*», — говорит митрополит Даниил (1522—1539), цитируя прав. 20-е и 80-е Трулльского собора (691—692)*. (Пам. стар. русс. лит. IV, 202). Первообраз этого постановления находим в прав. 54-м Лаодикийского (364 г.) собора*: «Не подобаетъ освященнымъ или причетникамъ зрѣти *позорищныя представленія* на *бракахъ* или на *пиршествахъ*: но прежде *вхожденія позо-*

происходили играние (песен), плясание и гудение; действующими лицами были, конечно, скоморохи-игрецы и плясуны. Кирилл Туровский (XII в.) порицает «*плясаніе* еже *на пиру*, *на свадьбахъ* и *в павечерницахъ*»*[1]; Кирилл митрополит Киевский (1243—1250)* в числе мытарств между прочим, называет «*плясаніе въ пирахъ*... и *басни бающе сопѣли* сатанинскія»[2]. Плясание, разумеется, происходившее под звуки инструментальной музыки, в последнем случае, может быть, сопровождалось тут же названными сопелями. В «Слове христолюбца» (по рукоп. XV в.)* называются *игры бесовские на пирах* (и свадьбах), игры же эти суть: *плясьба*, *гудьба*, *песни*, *сопели*, *бубны*[3]. По словам «Устава людем о велицем посте» (из Дубенского сборника правил и поучений XVI в.)*, «грѣхъ есть... *пиръ* сотворити съ *плясаніемъ* и смѣхомъ въ постныя дни»[4]. В «Домострое» (XVI в.)* говорится о *трапезе*, сопровождаемой звуками музыки, пляской и глумлением: «И аще начнутъ... смѣхотвореніе и всякое *глумленіе* или *гусли*, *и всякое гудѣніе*, *и плясаніе* и плесканіе и всякія *игры* бѣсовскія, тогда якожъ дымъ отгонитъ пчелы, такожъ отыдутъ ангели божія отъ тоя *трапезы* и смрадные бѣсы предстанутъ»[5]. О пировании Иоанна Грозного со скоморохами говорит князь Курбский*: «*Упившись* началъ (царь Иоанн) *со скоморохами* в машкарахъ (= личинах)

рищныхъ лицъ (т. е. комедиантов и музыкантов) воставати имъ и отходити» (см. Книга правил Св. Апостол).

[1] Памятники российской словесности XII века, изд. *Калайдовичем*. 1821. Стр. 94.

[2] *Филарет*. Обзор духовной литературы 1884. Стр. 59.

[3] *Тихонравов*. Летопись русской литературы и древностей. VI, iii, 94. — Ср. там же: 90.

[4] *Срезневский*. Свед. и замет. LVII, 312.

[5] Домострой. 1867. Гл. 15, стр. 38. — Подходящей иллюстрацией к этому тексту может служить старинная народная картинка, содержание которой видно из следующих слов сопровождающей ее надписи: «Сія *трапеза* неблагодарныхъ людей и празнословцевъ; *кащуниковъ** (кощунниками называются нередко скоморохи, см. ниже, стр. 115), скверни голющихъ словѣсъ бѣсовскихъ... ангелъ Господень отврати лице свое, отъиде стоя плачетъ, видитъ бѣсы съ ними...» (*Ровинский*. Русские граверы и их произведения с 1564 года до основания Академии художеств. 1870. Стр. 139).

плясать и сущіе *пирующіе* съ нимъ»[1]. В XVII столетии скоморохов во время пиров царских и знатных особ стали вытеснять *хоры духовой* (и ударной) *музыки*, состоявшие из труб, сурн, накров, бубнов, набатов* и т. п. *Пир* у Никиты Ивановича Романова-Юрьева, шурина Иоанна Грозного, по словам былины*, оглашался звуками *труб и барабанов*:

А *пиръ* пошелъ у него на радостяхъ,
А въ *трубки трубятъ* по ратному,
Барабаны бьютъ по воинскому[2].

Описание это возникло, вероятно, в позднейшее время, под впечатлением как царских, так и частных пиров и празднеств XVII века. Об игре в *сурны*, *трубы* и *накры* во время празднования свадьбы царя Михаила Федоровича см. ниже (стр. 48). Царь Алексей Михайлович в 1674 г., по случаю торжественного объявления Федора Алексеевича наследником престола и рождения царевны Феодоры, задал большой *пир*: «а послѣ кушанья изволилъ великій государь себя *тѣшить* всякими игры, — читаем в „Дворцовых разрядах“*, — и его, великаго государя, тѣшили и *въ арганы играли*, а игралъ въ арганы нѣмчинъ, и въ *сурны* и въ *трубы* трубили, и въ *суренки* играли, и по *накрамъ* и по *литаврамъ* били во всѣ»[3].

Впрочем, об игре скоморохов на пирах, в особенности частных лиц, и в XVII столетии имеем разные свидетельства. Маскевич в дневнике своем (под 1611 г.)* пишет, что на московских *вечеринках* появляются шуты (*«блазни»*), которые тешат присутствующих русскими *плясками*, *кривляниями и песнями*, большею частью весьма бесстыдными; иногда же приказывают *играть на лирах*, под звуки которых играющие *припеваютъ*[4]. «В домахъ, особенно во время своихъ *пиршествъ*, русские любят музыку», — писал Олеарий, посетивший Россию в 30-х годах XVII столетия*. Тот же автор упоминает о двух русских *музыкантах-певцах-плясунах*, т. е. скоморохах, которые забавляли своим искусством прибывших в Ладогу послов за их

[1] <*Курбский.*> Сказания. 1868. Стр. 81.
[2] *К. Данилов.* Древ. росс. стих. 230—231.
[3] Дворцовые разряды. 1850—1854. III, стр. 1081.
[4] Сказания современников о Димитрии Самозванце. 1831. V, стр. 61.

обедом[1]. *Пиры* у москвичей, по свидетельству Лизека*, описавшего посольство от римского императора Леопольда к царю Алексею Михайловичу (1675 г.), оглашались звуками *органа* (organum pneumaticum) с двумя регистрами[2]. В «Повести о прекрасном Девгении» (по рукоп. XVII в.)* читаем: «Девгеній... нача *веселитися во всю нощь* (т. е. *пировать*) и повелѣша людямъ своимъ (т. е. *игрецам*) въ *тимпаны* и въ *набаты бити*, и въ *сурны играти*, сіи рѣчь трубить, и въ *гусли играть*». В «Притче о старом муже и молодой девице» (XVII в.)* старику влагаются в уста следующие слова, обращаемые им к молодой девице, за которую он неуспешно сватается: «И сотворю тебѣ *пиръ* великій, и на пиру велю всякую *потѣху играти гусельникомъ и трубникомъ и пляску*»[3]. В Требнике*, по рукописи библиотеки проф. Тихонравова*, встречается такой вопрос священника на исповеди: «Сотворилъ еси *пиръ* съ смѣхотвореніемъ и *плясаніемъ*?»[4]. Из всех последних свидетельств, относящихся до XVII века, ясно видно деятельное в увеселении и потешении *пирующих* гостей участие скоморохов: гусельников, трубников, сурначеев, органников, лирников, песенников, плясунов. На лубочных картинках встречаем изображение пиров, на которых присутствуют певец или певцы, гитарист, балалаечник и т. п.[5]

Б. Участвуют в свадебных торжествах

Как пиры вообще украшались и оживлялись присутствием скоморохов — игроков и певцов, так в особенности *пиры сва-*

---

[1] Подробное описание путешествия в Московию. Перев. Барсова. 1870. Стр. 26, 209.

[2] *Lyseck.* Relatio eorum quae circa Sac. Caes. Maiest. ad Magn. Mosc. Czarum oblegatos... gesta sunt. 1676. Pag. 97. — Речь идет здесь, вероятно, о маленьком органе (Positiv), обыкновенно имевшем два регистра (ср. *Reissmann.* Illustrierte Geschichte der deutschen Musik. 1881. S. 143).

[3] Пам. стар. русс. лит. II, 387, 453.

[4] См. у *Веселовского.* Розыскания в области русского духовного стиха. VII. ii, с. 197, в Записках Имп. Академии Наук, т. XLV.

[5] *Ровинский.* Русс. нар. карт. №№ 97, 98.

дебные, а равно и *свадебные поезды**. Воспетый в стольких пересказах былин пир, на который приходит Добрыня Никитич, одетый скоморохом (ср. выше, стр. 34), — *пир свадебный*: празднуется свадьба Алёши Поповича с Добрыниной женой, считающей мужа своего погибшим. В былине о Садке, царь водяник обращается к спустившемуся на дно морское Садку-гусельнику:

Поиграй, поиграй въ гуселышки яровчаты,
Потѣшь, потѣшь нашъ почестенъ *пиръ*:
Выдаю дочь свою любимую...[1]

Следовательно, пир, на котором играет Садко в царстве водяника, — пир свадебный.

В былине о Ставре Годиновиче упоминается о *свадебном* торжестве, на котором не оказалось скомороха-гусельника и — певца:

Зачали играть *свадебку*,
Некому играть въ гусли на честномъ пиру,
Игръ играть, напѣвокъ *напѣвать*[2].

Сходный мотив встречаем в одной из *свадебных песен* из Пермского края:

Какъ во теремѣ *гусяльцы* лежали,
Во высокомъ звончатыя лежали.
И то *некому во гусельцы играти*,
Некому въ звончатыя играти[3].

Одна или две скрипки, или *скрипка и дуда* составляют в Белоруссии необходимую принадлежность всех *брачных церемоний*: они встречают и провожают жениха и невесту, даже до самых дверей церкви, и от них до дома новобрачных. Если погода хороша, то *скрипач*, сидя в повозке позади едущих к венцу или от венца, беспрестанно *пилит смычком* по струнам, когда едут к венцу — *прощальные песни*, а от венца — *встречные*[4]. Замечу, что у белорусов простонародный музы-

[1] *Рыбников*. Песни. II, 369.

[2] Там же: I, 249.

[3] Пермский сборник. 1859—1860. I. ii, стр. 55.

[4] Этнографический сборник, изд. Имп. географич. общ. 1853—1862. II, стр. 190.

кант-скрипач носит название: *«скомороха»*[1]. По старинной белорусской поговорке не бывает свадьбы без скоморохов: *«Что за веселле* (свадьба) *безъ скоморохи»*. В Белой Руси* *игрец-дударь* имеет даже серьезное значение: он заменяет родителей у сироты-невесты. В Малой Руси* *свадебные поезды* иногда отправляются в церковь с *музыкой*, *песнями* и даже *плясками*. Все это в старину, вероятно, исполнялось скоморохами, на что указывают приводимые мною ниже исторические свидетельства и старинные песни. В Орловской губернии, перед отправлением невесты к венцу, поют песню, где речь идет о невесте (Натальюшке), нанимающей извозчиков для *свадебного поезда*; непременным участником поезда, приносящим веселье, т. е. счастье невесте, должен быть *скоморох*, играющий, как белорусский скрипач — «скомороха», во время езды из села в село:

А какъ бы кто же *скоморошечка* да подвезъ?
Играй, играй, скоморошичекъ, въ село до села,
Ужь *чтоб была Натальюшка весела*[2].

Вариант той же песни записан Варенцовым в Самарском крае:

Запречь-те бы ворона коня,
Чтобы везъ,
Посадить-то бы *скоморошничка*,
Чтобъ игралъ:
Играй, поиграй, скоморошничекъ,
Съ села до села,
Чтобы наша Прасковьюшка
Была весела[3].

Имеется и целый ряд исторических свидетельств об участии на свадьбах скоморохов: Кирилл, митрополит Киевский, порицает *пляски* (конечно, происходящие под звуки «игры») на пирах и на *свадьбах*[4]. В упомянутом выше (стр. 41) «Слове христолюбца» запрещается играть *«игры бѣсовскія»*, состоящие в *«плясьбѣ»*, *«гуденіи»*, *«пѣсняхъ мирскихъ»*, сопелях и бубнах

[1] См. у *Носовича*. Словарь белорусского наречия. 1870. Сл.: «скомороха».

[2] *Беляев*. О скоморохах. 74 и сл. — Ср. *Веселовский*. Разыск. в обл. русс. дух. стих. VII. ii, 200.

[3] *Варенцов*. Сборник песен Самарского края*. 1862. С. 169—170.

[4] *Филарет*. Обз. дух. лит. 59.

«въ пирахъ и на свадьбахъ»; в другом месте того же «Слова» читаем: «Егда же у кого ихъ будет *бракъ* и творять *съ бубны и съ сопѣльми и съ многыми чюдесы бѣсовьскыми*»[1]. Запрещения эти сводятся к правилу 53-му Лаодикийского собора: «Не подобаетъ христіанамъ, на *браки* ходящимъ, *скакати и плясати*, но скромно вечеряти и обѣдати какъ прилично христіанамъ»[2]. Слова этого правила неоднократно повторяются русскими духовными писателями[3], что указывает на прямое отношение заключающегося в них запрещения к действительным обстоятельствам русской народной жизни. В статье о многих неисправлениях, «неугодныхъ Богу и не полезныхъ душѣ», приписываемой Кассиану, владыке Рязанскому*, жившему в средине XVI века, говорится между прочим: «*свадьбы* творятъ и на *браки* призываютъ ереевъ со кресты и *скомороховъ з дудами*»[4]. В определениях «Стоглава» (1551 г.)* читаем: «Въ мирскихъ *свадьбахъ* играютъ *глумотворцы и органники и гусельники и смѣхотворцы* и *бѣсовскіе пѣсни поютъ*, и какъ къ церкве *вѣнчатися поѣдутъ*, священникъ со крестомъ будетъ, а передъ нимъ со всѣми тѣми *играми бѣсовскими рыщутъ*», и далее следует запрещение: «къ *вѣнчанію* ко святымъ церквамъ *скомрахомъ и глумцомъ предъ свадьбою не ходити*»[5]. Последние два свидетельства в точности совпадают с вышеприведенной песней о свадебном поезде с участием играющего скомороха, а равно и с удержавшимся еще в Малой и Белой Руси обычаем сопровождать свадебный поезд музыкой, песнями и плясками. Олеарий свидетельствует о самых непристойных шутках (die allergröbsten Zotten), которыми оживляется *поезд* в церковь невесты, сопровождаемой хорошими друзьями и множеством прислуги и рабов[6]. В одном из французских описаний Московии в конце XVII столетия говорится, что *свадебный поезд* невесты в церковь сопровождается тысячами *шутливых песен*

[1] *Тихонравов.* Летоп. русск. лит. и древ. IV. iii, 92, 94.

[2] См. Книга прав. Св. Апост.

[3] Ср. *Срезневский.* Свед. и замет. LVII, 313. — Пам. стар. русс. лит. IV, 202 (Поуч. митр. Даниила) и др.

[4] См. у *Веселовского.* Разыск. в обл. русск. дух. стих. VII. ii, 199.

[5] <Стоглав.> Гл. 41, вопр. 16.

[6] <*Олеарий.*> Подр. опис. путеш. в Москов. 207.

и *дерзких выходок*, исполняемых на улице родственниками, друзьями, слугами и рабами невесты[1]. Пляски гостей на *свадебных пирах*, также подтверждаемые историческими свидетельствами, происходили в старину, разумеется, под звуки скоморошеских игр и песен: ниже (д. «Скоморохи-плясуны») приведены старинные свидетельства о *плясках* и *рукоплесканиях*, происходивших на *свадьбах*. Английский путешественник Chancellor, описывавший Россию в 1550-х годах*, рассказывает, что на свадьбах русского простонародья, во время *свадебного пира*, играли *один или два музыканта*, между тем как двое мужчин, провожавшие молодую на пути из церкви, пускались перед собравшимися гостями в *продолжительную пляску*[2]. О *гистрионах*, т. е. скоморохах*, *плясавших* на русских *свадьбах* XVI века, упоминает князь Даниил фон Бухау*[3]. По свидетельству Олеария, на *боярских свадьбах* русских *играла разная музыка*, между прочим на инструменте, называемом *псалтирь* (Psaltir)*, также трубили в *трубы* и били по *барабанам*[4]. В царской грамоте 1648 г. читаем между прочим: «Да въ городскихъ же и въ уѣздныхъ людѣхъ у многихъ бываютъ на *свадьбахъ* всякіе *безчинники* и *сквернословцы* и *скоморохи* со всякими *бѣсовскими игры*»[5]. Приведенные выше (стр. 43) слова из притчи о старом муже об *игре гусельников и трубников* относятся, вероятно, до *свадебного пира*. Как боярские, так в особенности *царские свадьбы* до Алексея Михайловича ознаменовывались *игрою на инструментах*, но уже преимущественно громких: духовых и ударных. «А какъ то веселіе (= свадьба) бываетъ, — пишет Котошихин в 1660-х годах о царских свадьбах русских*, — и на его царскомъ дворѣ и по сѣнямъ, *играютъ* въ *трубки* и въ *суренки** и бьютъ въ *литавры*; а на дворѣ чрезъ всѣ ночи для свѣтлости зажгутъ дрова на устроенныхъ мѣстехъ; а иныхъ игръ, и музикъ, и танцовъ, на

[1] Voyages historiques de l'Europe par Mr. de B. F. 1712 (первое издание 1698.). VII. p. 142.

[2] См. у *Meiners*. Vergleichung des älteren und neueren Russlands. 1798. II, S. 186.

[3] Ср. ниже: «д. Скоморохи-плясуны».

[4] <*Олеарий.*> Подр. опис. путеш. в Москов. 209.

[5] *Иванов.* Опис. госуд. арх. 298. — Ср. Акты истор. (арх. комм.). IV, № 35.

царскомъ веселіи не бываетъ никогда». По свидетельству Котошихина, и на свадебных торжествах бояр и других частных лиц *«въ трубки трубятъ и бьютъ въ литавры»*[1]. Слова Котошихина подтверждаются свидетельством «Дворцовых разрядов»: музыка, именно игра в сурны и трубы и ударение в накры, продолжалась со времени шествия царя в мыльню во весь день и ночью. Так было, напр., на *свадьбе царя Михаила Федоровича* (1626 г.)*: «А въ то время какъ государь (Михаил Федорович) пошелъ въ мыльню, во весь день и съ (до?) вечера и въ ночи на дворцѣ играли въ *сурны* и въ *трубы* и били по *накрамъ*»[2]. Но этим не ограничивалась свадебная музыкальная потеха: тешили царя Михаила Федоровича на свадебном его торжестве еще играми на струнных инструментах, а именно: *гусельники* (Уезда и Богдашка Власьев), *домрачеи* (Андрюшка Федоров и Васька Степанов) и *скрипотчики* (Богдашка Окатьев, Ивашка Иванов, Онашка и немчин новокрещеный Арманка)[3]. Царь Алексей Михайлович отменил инструментальную музыку на своей свадьбе, заместив ее пением церковных песен: «Да *на прежнихъ государскихъ радостяхъ* (= свадьбах), — читаем в современном описании свадьбы Алексея Михайловича с Марией Ильинишною Милославскою, в 1648 г., — бывало въ то время, какъ государь поѣдетъ въ мыленку во весь день до вечера и въ ночи во дворцѣ *играли въ сурны и въ трубы и били по накрамъ*; а нынѣ великій государь царь и великій князь Алексѣй Михайловичъ всея Русіи *на своей государевой радости* накрамъ и трубамъ быти не изволилъ, а велѣлъ государь въ свои государскіе *столы*, вмѣсто *трубъ и органовъ* и всякихъ *свадебныхъ потѣхъ*, пѣть своимъ государевымъ пѣвчимъ дьякамъ... строчные и демественные большіе стихи*»[4].

Воспоминание об игре на инструментах, которою в старину оглашались свадебные торжества (свадебные поезды и пиры), уцелело во многих свадебных песнях русских: чаще всего упо-

[1] *<Котошихин.>* О России в царствование Алексея Михайловича. 1859. Стр. 11, 127.

[2] Дворц. разр. I (Описание свадьбы царя Михаила Федоровича).

[3] *Забелин.* Дом. быт русс. цариц. 440, 441.

[4] См. у *Сахарова*. Сказ. русс. нар. I. vi, 94.

минаются в песнях гусли, трубы, иногда литавры, бубны, скрипки и цимбалы*; напр.:

Великорусс.: Во теремѣ гусли лежали,
Ай некому во гусли играти[1].

Выше (стр. 44) мы встретили тот же мотив в свадебной песне из Пермского края, сближающейся с соответствующим местом из былины о Ставре Годиновиче, где также говорится о гуслях на свадебном пире и об отсутствии гусельника. В других свадебных песнях речь идет о приплывающих по воде гуслях, на которых играет уже не скоморох, а сам жених, или об изготовлении гуслей для невесты, напр.:

Охъ, плыли *гусли*, охъ, плыли гусли по синю морю.
Приплыли гусёлушки къ круту бережку.
Охъ, приплыли звончатыя къ круту бережку.
Перенялъ гусли, перенялъ гусли свѣтъ Иванъ государь,
Перенялъ гусли, перенялъ гусли свѣтъ Ивановичъ.
Онъ *сталъ играть*, сталъ играть, во всю ночь не спать...

(Поется на девишнике* или когда девушки катаются)[2].

В другой свадебной песне Иванович боярин

Рубилъ яблонь подъ корень,
Тесалъ доски тонкія,
Делалъ *гусли звонкіе*.
Кому эти *гусельцы*,
Кому эти звончаты?
Аннушкѣ гусельцы,
Ивановнѣ звончаты[3].

Об игре на трубах упоминается в следующих свадебных песнях:

Ужъ какъ на морѣ, на морѣ,
На синемъ камнѣ,
Бояре въ трубу трубятъ,
Молодые въ золоченую...

(Закричала невестина матушка):

---

[1] Там же: I. iii, 155.

[2] *Пальчиков.* Крестьянские песни, записанные в селе Николаевском Мензелинского уезда Уфимской губ. 1888. № 83.

[3] *Сахаров.* Сказ. русс. нар. I. iii, 131.

Илл. 23. Кулачные бои. Лубок. *XVIII в.*

Илл. 24. Скоморох. Печной изразец. *XVIII в.*

Илл. 25. Шутовская свадьба князя-папы Н. Зотова. Лубок. *XVIII в.*

Илл. 26. Русский раек.
Литография. *1857*

Илл. 27. Московский шут Иван Савельич. Лубок. *XIX в.*

Илл. 28. Рисс Ф. Скоморохи в деревне. *1857*

Содержание

Петров Н. В. Об А. Е. Фаминицыне и скоморохах 5

Вступление 27

Глава первая
Скоморохи — «веселые люди» 29

Глава вторая
Искусство скоморохов 32
а. Играют и поют в домах, в особенности на пирах 32
б. Участвуют в свадебных торжествах 43
в. Великая игра 53
г. Веселая игра. — Плясовая игра 89
д. Скоморохи плясуны 99
е. Увеселяют народную толпу 102
ж. Скоморохи — кудесники, знахари 151

Глава третья
Скоморохи — люди прохожие, голыши, пьяницы. — Скоморох побеждает жида философа. — Скоморохи — проказники, воры, грабители. (Волочебники. Колядовщики) 155

Глава четвертая
Скоморохи оседлые 169

Глава пятая
Награждение скоморохов и презрение к ним, как к слугам антихристовым 176
а. Щедрые награды. — Плата гудочная (мзда) 176
б. Скоморошество во служении дьявола 179
в. Скоморохи и их слушатели на том свете 185
г. Презрение к скоморохам 186

Глава шестая
Конец скоморохам 193

Приложение 210
Раздел I. Скоморошины 211
Раздел II. Былины 242
Раздел III. Песни 288

Комментарии 299
Библиография 363
Именной указатель 375